

Black Witch

**Память пустых домов
(мистическая повесть)**

«Автор»

2026

Witch B.

Память пустых домов (мистическая повесть) / В. Witch —
«Автор», 2026

После смерти бабушки героиня возвращается в места своего детства и случайно открывает дверь, которую нельзя было открывать. За ней скрывается не просто заброшенный дом, а голодная тьма, питающаяся забытыми именами, пустыми квартирами и памятью исчезнувших семей. Чтобы остановить её, героине приходится научиться слышать дома: их скрип, дыхание, страх и просьбы о помощи. Вместе с домовыми — древними хранителями человеческого тепла — она собирает обломки чужих жизней, спасает забытые адреса и понимает, что дом живёт лишь до тех пор, пока кто-то помнит, кто в нём жил. Но память требует платы. Однажды тот, кто хранит слишком много чужих домов, сам становится порогом между живыми и тем, что ждёт за стенами. Это мрачная мистическая повесть о забвении, наследии и тонкой границе между домом и пустотой. О том, что вещи, фотографии, запахи и имена могут удерживать тьму — пока есть кому сказать: «Здесь жили».

© Witch B., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Black Witch

Память пустых домов (мистическая повесть)

Глава

В нашей деревне говорили: если домовый смеётся — в доме будет свадьба. Если стучит по печной заслонке — жди гостя. Если прячет вещи — сердится, значит, надо оставить ему на ночь блюдо молока и краюху хлеба.

Но если домовый плачет — из избы нужно уходить до рассвета.

Так говорила моя бабушка, и я в детстве смеялась. Мне казалось, что домовый — это что-то вроде доброго старичка за печкой: лохматый, маленький, ворчливый, но безобидный. Он мог запутать нитки, уронить ложку, ночью вздохнуть в подполье. Пугать им детей было удобно, но верить в него по-настоящему — смешно.

До той осени.

Дом наш стоял на самом краю деревни, у старого оврага. За оврагом начинался лес, тёмный, сырой, с кривыми елями, которые даже днём казались чёрными. Осенью туман поднимался оттуда, как дым от невидимого пожара, и полз к избам, обволакивая заборы, колодцы, поленницы.

После смерти деда бабушка стала хуже слышать, но лучше чувствовать дом. Так она сама говорила.

— Доски ночью иначе скрипят, — шептала она. — Раньше скрипели по-доброму, а теперь будто кто ходит и места себе не находит.

Я приехала к ней на неделю. Хотела помочь перебрать картошку, заклеить окна, привести в порядок чердак. Городская жизнь утомляла меня, и деревенская тишина казалась лекарством. Первые два дня всё было спокойно. Мы топили печь, пили чай с сушёной малиной, слушали, как дождь бьёт по крыше.

А на третью ночь я проснулась от плача.

Не человеческого. Нет. Человеческий плач легко узнать — в нём есть дыхание, срывы, всхлипы. Этот звук был тоньше, глубже и страшнее. Будто плакал кто-то маленький, старый и очень усталый. Плакал не голосом, а всем домом.

Сначала застонали балки над потолком. Потом тихо задребезжали стёкла. В печной трубе завывало так, словно ветер заблудился внутри и не мог выбраться. А потом из угла, где стоял старый сундук деда, донеслось:

— У-у-у-у...

Я села на кровати, не сразу понимая, где нахожусь. В комнате было темно, только красный огонёк уголька мерцал в печи. Бабушка сидела на своей кровати прямо, как доска. Лицо её было серым.

— Слышишь? — спросила она.

Я хотела сказать «мыши», «ветер», «дом старый», но не смогла. Потому что из-под пола ответил второй голос. Такой же тонкий, жалобный. Потом третий — из-за печи. Потом ещё один — будто с чердака.

Они плакали все сразу.

И в этом плаче не было ни злости, ни просьбы. Только ужас.

Бабушка медленно перекрестилась, потом слезла с кровати и пошла к печи. Достала из шкафчика блюдо, налила молока, положила рядом кусок хлеба. Руки у неё дрожали.

— Хозяюшки, батюшки, — прошептала она в темноту, — не плачьте. Скажите, что будет. Плач оборвался.

Сразу.

Так резко, что тишина ударила по ушам. Пламя в печи мигнуло, будто кто-то дунул на него. Из-за заслонки посыпалась сажа. Потом что-то заскреблось внутри стены.

Скреблось долго, методично. Не мышь. Мышь мечется, шуршит. А это царапало, будто ногтем выводило буквы по дереву.

Бабушка схватила меня за руку.

— Не смотри, — сказала она.

Конечно, я посмотрела.

На стене рядом с печью, там, где обои давно потемнели от дыма, проступали мокрые полосы. Сначала я подумала, что крыша протекла. Но полосы были тёмные, густые, как слёзы, смешанные с золой. Они стекали вниз и складывались в кривые линии.

Дом дышал. Я клянусь, дом дышал — тяжело, прерывисто, как больной.

На обоях появилось первое слово.

«БЕДА».

Бабушка тихо застонала.

Потом второе:

«ИДЁТ».

Я почувствовала, как холод поднимается от пола и обвивает ноги. За окном стоял туман, но теперь в нём двигались тени. Длинные, прямые, как столбы. Они проходили мимо окон, не приближаясь, но их было много. Слишком много для пустой деревенской улицы.

Из подполья снова раздался плач. Теперь он был громче. Не один домовой — множество. Будто под каждой избой, в каждой щели, за каждой печью сидели маленькие невидимые хозяйки и рыдали, прижав ладони к лицам.

— Они всех предупреждают, — прошептала бабушка. — Значит, не только нам.

Утром мы вышли на улицу. Деревня выглядела как после бессонной ночи. У соседки Аграфены на воротах висела открытая щеколда, хотя она всегда запирала её на два оборота. У дома кузнеца на крыльце стояла миска с молоком, перевёрнутая вверх дном. На снегу — первый снег выпал ночью — были маленькие следы.

Не детские. Не звериные.

Круглые отпечатки, будто кто-то ходил босыми маленькими ногами, но пятки были слишком узкие, а пальцы — длинные, тонкие. Следы вели от каждого дома к колодцу на площади.

Там уже собрались люди.

Никто не говорил громко. Все перешёптывались, переглядывались, и у каждого в глазах было одно и то же: они тоже слышали.

Кузнец Егор, здоровенный мужчина с красными руками, стоял бледный, как мел.

— У меня в горнице на полу написало, — сказал он. — Углём. Сам видел, как уголёк из печи выкатился и пополз. Написало: «УХОДИ».

— А у меня ребёнок всю ночь кричал, что под кроватью дедушка маленький сидит и плачет, — сказала Аграфена. — Говорит: «Не спите, не спите, земля загудит».

Староста попытался всех успокоить. Сказал, что осень тяжёлая, ветер, сырость, нервы. Но когда он поднял руку, чтобы махнуть в сторону домов, рукав его задрался, и все увидели: на запястье у него были чёрные следы пальцев.

Маленьких пальцев.

В тот день никто не работал. Мужики ходили по дворам, проверяли крыши, печи, скотину. Женщины собирали узлы, хотя сами не знали зачем. Бабушка достала из сундука дедов тулуп, старые документы, иконку и серебряную ложку.

— Уйдём? — спросила я.

Она долго смотрела на печь.

— Домовой просто так не плачет, — сказала она. — Он дом любит больше человека. Если он просит уйти, значит, дому уже не помочь.

Но ушли не все.

Некоторые смеялись. Некоторые злились. Некоторые говорили: «Куда мы пойдём? Здесь могилы, скот, хлеб, вся жизнь». Староста объявил, что паника хуже любой беды. А вечером велел всем сидеть по домам и не слушать бабьи сказки.

Той ночью плач начался раньше.

Едва стемнело, в каждой избе заголосило. Деревня наполнилась таким звуком, что собаки забились под сени, коровы рвали привязь, а куры падали с насестов. Казалось, плачет сама земля под ногами.

Мы с бабушкой сидели одетые, с узлами у двери.

Вдруг печная заслонка распахнулась.

Из чёрного провала пахнуло холодом, хотя внутри тлели угли. На пол выпала горсть золы. Потом ещё. Зола собралась комком, зашевелилась, поднялась маленьким бугорком.

Я не могла кричать.

Перед печью стояло существо ростом с трёхлетнего ребёнка. Всё серое, будто слепленное из пепла и пыли. Волосы спутанные, длинные, до пола. Лица почти не было — только тёмные ямы глаз. По этим ямам текли чёрные слёзы.

Бабушка опустилась на колени.

— Хозяин...

Домовой повернул голову к ней. Когда он заговорил, голос его был похож на треск сухих поленьев:

— Не ждите утра.

За стеной раздался глухой удар. Потом ещё один — далеко, за лесом. Земля под домом едва заметно дрогнула. С потолка посыпалась пыль.

Домовой поднял маленькую руку и указал на дверь.

— Идите. Сейчас.

Мы выбежали в ночь.

На улице уже были люди. Не все, но многие. Кто-то тащил детей, кто-то вёл корову, кто-то бежал босиком по снегу. Над деревней стоял туман, и в нём, у каждого крыльца, виднелись маленькие серые фигуры.

Домовые вышли из домов.

Они стояли молча, сгорбленные, лохматые, и плакали. Кто-то держался за косяк двери, будто прощался. Кто-то гладил стену избы маленькой ладонью. Один сидел на крыше и качался из стороны в сторону, закрыв лицо руками.

Это было страшнее любого крика.

Потому что они знали.

Мы уходили через овраг, к старой дороге. Бабушка всё время оглядывалась. Я тоже оглянулась один раз и увидела нашу избу. В окне горел красный свет печи. На пороге стоял наш домовый.

Он смотрел нам вслед.

А потом медленно закрыл дверь изнутри.

К утру деревни не стало прежней. Нет, дома ещё стояли. Заборы, колодец, сарай — всё было на месте. Но жизнь из них ушла. Те, кто вернулся потом за вещами, рассказывали, что в избах было холодно даже при растопленных печах. Молоко скисало за час. Зеркала покрывались изнутри копотью. А по ночам из пустых домов доносились тихие всхлипы.

Некоторые семьи уехали навсегда. Некоторые остались поблизости, построились на новом месте. Бабушка больше никогда не ночевала в старом доме. Она говорила, что домовый, который один раз выплакал свою беду, уже не может снова стать домашним. Слишком много увидел.

Прошло много лет. Бабушки давно нет. Деревня почти исчезла: три жилых дома, покосившийся магазин, заросшая площадь. Старые избы стоят пустыми, вросшие в землю, с чёрными окнами.

Недавно я приезжала туда одна. Не знаю зачем. Наверное, хотела доказать себе, что детская память всё преувеличила. Что были туман, страх, старые доски, бабушкины рассказы.

Наш дом ещё стоял.

Крыша провалилась с одного края, крыльцо сгнило. Дверь была приоткрыта. Внутри пахло сыростью, мышами и старой золой. Печь сохранилась. На стене рядом с ней всё ещё виднелись тёмные разводы, хотя обои давно отстали.

Я подошла ближе.

Разводы складывались в буквы.

Не в те, что тогда.

Теперь там было написано:

«ОПЯТЬ».

Я отступила, чувствуя, как немеют пальцы.

Под полом кто-то тихо всхлипнул.

Потом второй голос ответил с чердака.

Третий — из печной трубы.

И вдруг весь старый дом вокруг меня начал плакать. Тонко, безнадежно, по-стариковски. Так плачут те, кто не может уйти, потому что привязан к месту крепче, чем живые к своим воспоминаниям.

Я выбежала наружу, споткнулась о порог и упала в мокрую траву.

На улице стоял вечерний туман. Из соседних заброшенных изб один за другим выходили маленькие серые силуэты. Они собирались у колодца, как тогда. Лохматые, сгорбленные, с чёрными слезами на лицах.

И все смотрели в сторону леса.

Туда, где за деревьями, далеко-далеко, глухо и тяжело гудела земля.

Я поднялась с земли, но ноги не слушались. Казалось, трава подо мной стала живой: цеплялась за щиколотки, холодная, мокрая, скользкая. Туман за несколько минут сгустился так, что дома на другой стороне улицы превратились в тёмные пятна.

Домовые всё ещё стояли у колодца.

Их было больше, чем домов.

Я помнила нашу деревню: двадцать семь изб, два пустующих двора, кузница, магазин, старая баня у оврага. Но серых фигур у колодца было не меньше сотни. Маленькие, сгорбленные, лохматые. Одни дрожали, другие раскачивались, третьи прижимали ладони к груди, будто держали там что-то хрупкое.

Они не смотрели на меня.

Они смотрели в лес.

Земля снова загудела.

Не громко. Не так, как гром или взрыв. Гул шёл снизу, из глубины, будто под деревней проснулся огромный механизм, ржавый, древний, забытый. Сначала дрогнули стёкла в пустых окнах. Потом заскрипели ворота. Потом колодезная цепь сама собой звякнула один раз.

Домовые разом вздрогнули.

Один из них, самый маленький, стоявший у самого сруба колодца, вдруг заплакал громче остальных. Он запрокинул голову, и из его тёмного рта вырвался тонкий протяжный вой.

Колодец ответил.

Изнутри донёсся плеск.

Я застыла.

Колодец в нашей деревне пересох ещё до смерти бабушки. Воды там не было много лет. Дети бросали туда камни, и те падали долго-долго, ударяясь о стенки, но всплеска никогда не было.

А теперь внизу плескалось что-то тяжёлое.

Домовые попятились от колодца. Не бегом, не в панике, а медленно, как от постели умирающего. Один за другим они отступали, не поворачиваясь спиной.

Я тоже сделала шаг назад.

Из колодца поднялся запах.

Не болотный, не гнилой. Хуже. Запах старого подвала, мокрой шерсти, холодной печной золы и чего-то сладковато-приторного, как испорченное молоко. Меня сразу затошнило.

— Уходи.

Голос прозвучал у самого уха.

Я резко обернулась.

На крыльце нашего дома стоял он. Наш домовый. Такой же маленький, серый, с длинными спутанными волосами. Только теперь он выглядел ещё старше. Его спина согнулась сильнее, руки стали тонкими, как сухие ветки. Чёрные слёзы оставили на лице глубокие борозды.

— Ты... — я едва смогла выговорить. — Ты был здесь всё это время?

Он не ответил. Только поднял руку и указал на дорогу.

— Уходи, пока оно считает.

— Кто? — прошептала я.

Домовой повернул голову к колодцу.

— То, что под домами.

Я хотела спросить ещё, но в этот момент из колодца донёсся голос.

Тихий. Детский.

— Ра-а-аз...

Все домовые закрыли лица руками.

Меня ударило холодом так, будто кто-то распахнул дверь в зиму. Голос из колодца был не просто детским. Он был знакомым. Я слышала его когда-то давно — во сне, в бабушкиных сказках, в собственном детском лепете, записанном на старую кассету.

Он был похож на мой.

— Два-а-а...

Туман вокруг колодца закрутился, вытягиваясь вверх тонкой спиралью. Сруб застонал. Старая цепь натянулась, хотя ведра на ней давно не было.

Домовой с крыльца сжал маленькие кулаки.

— Беги.

Я побежала.

Не к машине — она стояла у въезда в деревню, рядом с покосившимся указателем. Я бежала вслепую по улице, мимо пустых изб, мимо заросших палисадников, мимо окон, в которых вдруг загорались красные точки, словно внутри снова оживали печи.

За спиной колодец продолжал считать.

— Три-и-и...

С каждым числом деревня менялась.

После «трёх» распахнулись двери пустого магазина. Оттуда выкатилась жестяная банка, проржавевшая насквозь, и покатила за мной, подпрыгивая на камнях.

После «четырёх» у бани у оврага кто-то засмеялся — тонко и сипло, будто смеялся через полный рот воды.

После «пяти» из окон домов потянулись руки.

Не человеческие. Длинные, тёмные, слишком суставчатые. Они не хватали меня, нет. Только царапали брёвна изнутри, оставляя на дереве мокрые полосы.

Я старалась не смотреть.

Но когда пробежала мимо дома Аграфены, ноги сами замедлились.

В окне стояла девочка.

Лет семи. В старом ситцевом платье. Волосы мокрые, прилипшие к щекам. Она смотрела на меня и улыбалась. За её спиной в темноте стояли ещё люди. Много. Взрослые, дети, старики. Все мокрые. Все неподвижные.

Девочка подняла руку и поманила меня пальцем.

— Ты же вернулась, — сказала она беззвучно, но я услышала. — Значит, можно начинать.

— Ше-е-есть...

Я сорвалась с места.

Дорога к машине казалась бесконечной. Туман съел деревья, заборы, небо. Я видела только землю под ногами и красные огоньки в окнах по бокам.

Потом впереди появился указатель.

Заржавевший столб, покосившаяся табличка с названием деревни, почти стёртые буквы. За ним темнел силуэт моей машины. Я уже потянулась за ключами, когда услышала за спиной:

— Се-е-есть...

Щёлкнули замки.

Все сразу.

Машина мигнула фарами, хотя я ещё не нажала кнопку. Двигатель сам коротко кашлянул и заглох. На лобовом стекле изнутри начал проступать влажный след.

Сначала одна линия. Потом вторая. Потом буквы.

«НЕ ТУДА».

Я остановилась так резко, что едва не упала.

Слева от дороги, там, где начиналась старая тропа к кладбищу, стоял домовый. Не наш. Другой — ниже, шире, с белёсой шерстью на плечах. Он показал в сторону тропы.

Я замотала головой.

— Нет. Нет, я туда не пойду.

Он заплакал.

Не громко. Просто две чёрные струйки потекли по его лицу. Он снова указал на кладбищенскую тропу.

Позади, в деревне, колодец произнёс:

— Во-о-осемь...

Туман у дороги расступился.

Я увидела, почему нельзя было идти к машине.

За машиной стояли люди.

Те самые мокрые люди из окон. Они вышли из домов и теперь молча ждали у обочины. Их одежда висела тяжёлыми складками, с волос капала вода, лица были бледными и распухшими. Но страшнее всего были глаза. В них не было зрачков — только мутная белёсая вода.

Они не двигались.

Пока не двигались.

Я повернула на кладбищенскую тропу.

Ветки хлестали по лицу, корни цепляли ноги. Я знала это кладбище: маленькое, старое, за оврагом, с покосившимися крестами и железными оградками. Там были похоронены дед, бабушка, почти все старики нашей деревни.

Но тропа стала длиннее. Слишком длинной. Я бежала, а кладбище не приближалось. За спиной шлёпали мокрые шаги. Много шагов. Они не спешили, но расстояние сокращалось.

— Де-е-евять...

Голос из колодца прозвучал уже не в деревне.

Он прозвучал в моей голове.

Я закричала и упала на колени. Перед глазами вспыхнули картинки: бабушка, сидящая ночью на кровати; чёрные слёзы на обоях; домовой у печи; дверь, закрывающаяся изнутри.

И ещё одна картинка, которой не было в моей памяти.

Деревня много лет назад. Не моя бабушка — её мать, молодая, испуганная. Люди стоят у того же колодца. Внизу кричит ребёнок. Не один. Несколько. Кто-то держит факел. Кто-то крестится. Кто-то говорит: «Так надо, иначе оно возьмёт всех».

Я зажала уши, но видение продолжалось.

Колодец был не просто колодцем.

Он был горлом.

А деревня стояла на чём-то, что спало под землёй и требовало платы.

Домовые знали это. Они хранили дома, людей, печи, колыбели. Они отгоняли мелкие беды, прятали ножи от пьяных рук, будили перед пожаром, шептали детям во сне, чтобы те не выходили к оврагу.

Но от того, что было под деревней, они защитить не могли.

Только предупредить.

Только плакать.

Я подняла голову. Передо мной наконец возникло кладбище. Ржавая калитка была открыта. У входа стояла моя бабушка.

Нет, не живая. Конечно, не живая.

Она была в том самом тёмном платке, в котором её хоронили. Лицо спокойное, почти строгое. За её спиной, между крестами, стояли другие — дед, Аграфена, кузнец Егор, старики, которых я помнила смутно, и те, кого никогда не видела.

Бабушка подняла руку.

— Сюда, — сказала она.

Я вбежала за ограду, и калитка захлопнулась сама.

Мокрые шаги остановились снаружи.

За кладбищенской оградой стояли они — белоглазые, мокрые, молчаливые. Их было теперь ещё больше. Среди них я увидела девочку в ситцевом платье. Она улыбалась, но улыбка больше не была детской.

Издалека донёсся последний счёт:

— Де-е-есять.

Деревня замолчала.

Совсем.

Даже туман будто застыл.

Потом под землёй что-то повернулось. Медленно, тяжело. Кладбищенские кресты задрожали. Сухие венки зашуршали, хотя ветра не было. Где-то в стороне деревни раздался протяжный треск — будто ломали сразу много брёвен.

Бабушка подошла ко мне и положила холодную ладонь на плечо.

— Не смотри назад, — сказала она.

Но я посмотрела.

Там, где была деревня, поднимался чёрный столб тумана. Не дым — именно туман, густой, вязкий, живой. Он вытягивался из колодца и расплзался по улицам. Дома один за другим проседали, словно земля под ними становилась мягкой. Крыши наклонялись, стены складывались внутрь.

И у каждого дома стоял домовый.

Они не убегали.

Они держали двери закрытыми.

Маленькие серые хозяева упирались спинами в косяки, ладонями в створки, плечами в брёвна, не давая тому, что было внутри, выйти наружу. Они плакали, но стояли.

Наш домовый стоял у нашей избы.

Он обернулся в мою сторону.

Даже с такого расстояния я увидела его глаза — две тёмные ямы, полные усталости.

Он кивнул мне.

Потом дверь за его спиной выгнулась наружу, будто в неё ударили изнутри огромным кулаком.

Домовой не отступил.

Дверь ударила его ещё раз.

Я увидела, как его маленькое тело выгнулось от силы удара, как тонкие руки задрожали, как плечи вжались в старые доски. Но он всё равно стоял. Уперся босыми ступнями в крыльцо, склонил голову и словно прирос к дому.

Бабушка крепче сжала моё плечо.

— Не зови его, — тихо сказала она.

Я поняла, что уже открыла рот.

Имя. Я хотела крикнуть ему имя, хотя никогда не знала, как его зовут. Хотела позвать, приказывать бежать, умолять оставить эту проклятую избу и спастись.

Но бабушка была права.

Если бы я позвала, он бы обернулся.

А ему нельзя было оборачиваться.

Дверь ударила в третий раз.

На этот раз по всей избе пошла трещина. От порога до чердачного окна, по старым брёвнам, через наличники, через стену, где когда-то висели бабушкины сушёные травы. Дом будто раскрыл глаз — узкий, чёрный, неровный.

Из щели потянулась рука.

Она была не похожа на те, что я видела в окнах. Эта была огромной, плоской, как корень старого дерева, покрытая мокрой землёй и белыми червями. Пальцы медленно раздвинули брёвна, и изнутри повалил пар.

Домовой поднял голову.

Он не кричал.

Он запел.

Тоненьким, скрипучим голосом, почти неслышным на таком расстоянии. Но кладбище вдруг подхватило этот звук. Заржавевшие кресты зазвенели, сухие венки зашептали, трава зашуршала, будто тысячи маленьких ладоней начали гладить землю.

Потом запели остальные домовые.

У каждого дома.

Их голоса были некрасивыми. Сломанными. Старческими. В них не было ни силы, ни красоты, ни надежды. Только упрямство. Такое древнее, что от него хотелось плакать.

Чёрный туман над деревней дрогнул.

Рука в стене нашего дома замерла.

Бабушка сказала:

— Они держат не двери.

Я не сразу поняла.

— А что?

— Память.

Она посмотрела на деревню, и в её мёртвых глазах отразились красные огоньки окон.

— Пока есть кому помнить дом, оно не может выйти полностью.

За оградой кладбища мокрые люди начали раскачиваться. Девочка в ситцевом платье перестала улыбаться. Её белые глаза налились темнотой снизу, будто в них поднималась вода из колодца.

— Ты вернулась, — сказала она.

На этот раз её голос слышали все.

Мёртвые на кладбище повернули головы к ней.

— Кровь вернулась, — продолжила девочка. — Долг вернулся.

Бабушка шагнула вперёд.

— Она ничего не должна.

Девочка рассмеялась.

Сначала детским смехом. Потом женским. Потом мужским. Потом множеством голосов сразу. Смех покатился по оврагу, ударился о кресты, прошёл по земле холодной волной.

— Все должны, — сказали мокрые люди хором. — Все, кто грелся у печей. Все, кто пил из воды. Все, кто спал под крышами.

Я почувствовала, как земля под ногами стала мягче.

Не провалилась, нет. Но изменилась. Будто кладбище стояло не на земле, а на чьей-то спине, и эта спина медленно вдохнула.

Бабушка обернулась ко мне.

— Слушай меня внимательно.

Её голос стал таким, каким я помнила его в детстве, когда она учила меня не трогать печную заслонку и не ходить одной к реке. Строгим. Живым.

— За старым крестом твоего прадеда есть камень. Под ним ключ. Возьмёшь его.

— Ключ от чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.